

ХРОНИКА

МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ПЕРЕВОДНАЯ ЛИТЕРАТУРА В ДРЕВНЕЙ РУСИ»

С 5 по 8 октября 2004 года в Институте русской литературы (Пушкинский Дом) РАН проходила Международная конференция «Переводная литература в Древней Руси», которая собрала ученых из 13 стран (России, Англии, Белоруссии, Бельгии, Болгарии, Германии, Израиля, Италии, Норвегии, Польши, США, Украины, Чехии). Конференция была посвящена 100-летию выхода в свет книги А. И. Соболевского «Переводная литература Московской Руси XIV—XVII веков». Всего в рамках утренних и вечерних заседаний было сделано и обсуждено 48 докладов.

Открывая конференцию, О. В. Творогов подчеркнул, что именно А. И. Соболевскому принадлежит заслуга определения значительного объема переводной литературы в комплексе древнерусского наследия. Сейчас, когда изданы многие переводные тексты, изучена история отдельных памятников или целых сборников, можно более верно понять значение переводной литературы и ее роль в формировании оригинальных произведений. С другой стороны, в ряде случаев в списках древнерусских переводов сохранились тексты памятников, утраченных или дошедших в неполном виде на языке оригинала, как например Хроника Иоанна Малалы. О. В. Творогов отметил основные проблемы, встающие перед исследователями переводной литературы: определение места и времени создания перевода; имени автора оригинального текста; взаимоотношения/взаимовлияния славянских переводов.

Доклад М. А. Робинсона (Москва) «А. И. Соболевский. Штрихи к портрету» был итогом изучения эпистолярного наследия ученого. Анализ большого архивного материала позволил уяснить отношение Соболевского к ученикам (любимым из которых был В. Н. Перетц, с которым он состоял в переписке около 20 лет), коллегам, власти, быту. Значительная часть научного сообщения была посвящена письмам Соболевского к Перетцу. В письмах учитель не только обсуждал направления научной деятельности ученика, но и рекомендовал тип поведения в научном споре, рассказывал о жизни в после-революционной Москве, благодарил за помощь в то тяжелое время (он и сам помогал приезжавшим в Москву ученикам Перетца), рассказывал о том, что собирает афиши («это тоже письменные источники»), и советовал собирать их в Петербурге. Письма

начала 20-х годов А. И. Соболевского содержат также большой фактический материал по динамике цен на продукты, вещи и книги. Яркая, смелая, сложная личность Соболевского проявилась в его письмах в полной мере.

В. Чермак (Чехия) в докладе «Значение А. И. Соболевского для чешской палеославистики» подчеркнул, что чешским ученым, как правило, чешские рукописи были недоступны. Работа Соболевского стала толчком для изучения славянского периода чешской литературы. Особыми научными темами стали Великая Моравия и Чехия эпохи Пршемысловичей. Получило развитие изучение глаголицы. Соболевский первым дал описание «моравизмов», подчеркивал значение чешских переводов с латинского языка. Хотя ряд замечаний ученого не подтвердился, но именно ему принадлежит открытие основного корпуса чешских кириллических памятников. До сих пор исследования А. И. Соболевского привлекаются современными чешскими учеными.

В. Н. Алексеев и Е. И. Дергачева-Скоп (Новосибирск) в докладе «Экземпляр „Переводной литературы“ А. И. Соболевского с авторскими библиографическими пометами» поделились результатами интересных разысканий, позволивших установить, что приобретенный в Столешниковом переулке экземпляр книги с 500 пометами, содержащими сведения об именах переводчиков, писцов, о произведениях, источниках переводов, о библиографии исследований, принадлежал самому А. И. Соболевскому. Эти пометы, расширявшие и дополнявшие труд ученого, позволяют рассматривать данный экземпляр книги как своего рода последнюю редакцию известного издания.

С. И. Николаев выступил с докладом «Памятники польской письменности в „Переводной литературе“». Отметив, что поразительный труд Соболевского стал возможен благодаря уникальности его автора (знание языков, ориентация в огромном море рукописных памятников, полнота библиографии), ученый подчеркнул, что в монографии были определены возможные направления изучения переводных произведений. Сам Соболевский невысоко оценивал уровень польско-русских литературных связей XVI—XVII веков и признавал Польшу лишь как страну-сосредоточенную, отводя при этом польской литера-

туре первое место среди корпуса переводных памятников XVII века. Хотя теперь можно дополнить список переводов польских памятников, что-то из перечня, приведенного Соболевским, приходится исключить. Существует потребность скорректировать представления о месте и времени создания ряда переводов, уточнить имена переводчиков, но значение труда ученого умалить невозможно. В настоящее время задачей можно считать создание библиографии, подобной той, что была создана А. Н. Пыпиным. В издание должны войти литературные произведения; историография; естественнонаучные сочинения; лечебники; астрологические, кулинарные и «модные» труды. В предлагаемое издание следует включить и латинские произведения, попавшие в Россию через польское посредничество. Польша в данном издании должна рассматриваться в этнически-культурном плане (т. е. без украинских и белорусских авторов и их произведений), что, сократив объем, даст возможность с наибольшей полнотой представить список переводных памятников, учесть все имеющиеся издания, шифры рукописей и всю научную литературу.

Доклад А. А. Пичхадзе «Группировка переводов с греческого, содержащих восточно-славянские элементы в лексике» был посвящен детальному анализу тех лексем в древнейших славянских переводах, которые позволяют определить, что перевод с греческого был сделан у восточных славян. Таблица, содержащая результаты анализа рукописных материалов, подтвердила основные выводы автора и может рассматриваться как некий универсальный инструмент при определении восточно-славянских элементов в лексике.

В докладе И. Н. Лебедевой «К проблеме определения времени и места древних славянских переводов с греческого» были подведены итоги дискуссии о месте перевода «Повести о Варлааме и Иоасафе». Отметив, что уровень аргументации различен и, к сожалению, некоторые авторы привлекают в качестве доказательств не только научные соображения, но и личностные («это не вписывается в широкую картину наших представлений о...», «невозможно поверить, что...»), исследовательница привела новые данные, подтверждающие ее выводы о русском переводе Повести, который получил распространение в славянских странах. Некоторые более точные чтения в болгарском переводе могут быть объяснены тем, что в Болгарии произошло вторичное обращение к греческому оригиналу. Лексические данные могут дать материал только для решения вопроса о том, где был создан перевод, но о времени перевода рассуждать на основе лексических материалов невозможно. Имеющиеся в памятниках русской литературы первой трети XIV века цитаты и аллюзии из текста «Повести о Варлааме и Иоасафе» позволяют, по мнению И. Н. Лебедевой, утверждать, что перевод

был сделан на Руси (возможно, в работе над переводом участвовали и болгары).

И. П. Медведев выступил с докладом «Неизвестные страницы в ранней истории изучения славяно-русской версии Хроники Георгия Амартола», в котором подробно рассмотрел историю работы по изданию знаменитого памятника византийской историографии. После решения канцлера Румянцева финансировать издание во Франции Истории Льва дьякона, переведенной преподавателем университета Поповым, А. Н. Оленин решил готовить комментарий с привлечением рукописной Хроники Георгия Амартола, хранившейся в собрании Румянцева. Эта же рукопись была позже использована В. М. Истриным. Хотя деньги на издание были переведены Румянцевым, но после смерти мецената работа была остановлена.

В докладе «Заметки к изучению древнерусского перевода XIII Слов Григория Назианзина» К. Ханнек (Германия, Вюрцбург) поделился своими наблюдениями над историей перевода сочинения Григория Богослова. Первый перевод предположительно был сделан в XI веке, второй перевод 16 слов бесспорно является южнославянским (вероятно, сербским), в Великих Минеях Четких митрополита Макария под 23 января читается третий перевод с толкованиями. В греческом оригинале в списках X—XIV веков собраны 45 гомилий к Словам Григория Богослова. 8 гомилий к 16 словам совпадают с чтениями первой редакции перевода. 13 слов в этом переводе не имеют полного соответствия с сохранившимися греческими списками (возможно, такая рукопись и есть, но обнаружить ее не удалось). Имеющиеся в славянской рукописной традиции пропуски и сокращения, отмечаемые исследователями, не являются особенностью этого перевода: они существуют и в греческом оригинале. Выборка была осуществлена автором славянского перевода.

Н. В. Поньрко посвятила свой доклад «К вопросу об авторе перевода Толкований Никиты Ираклийского на XVI Слов Григория Богослова (по материалам Послания Климента Смолятича)» не только вопросам атрибуции перевода, но и проблеме архетипного вида памятника, включавшего, как доказано исследователем, перевод 16 слов Григория Назианзина, толкований к ним Никиты Ираклийского и Жития Григория Богослова. Предложенная атрибуция подтверждается достаточно частыми (по сравнению с произведениями других авторов Древней Руси) упоминаниями в сочинениях Климента Смолятича античных авторов и героев, что объясняется его хорошим знакомством с текстами толкований Никиты Ираклийского, в которых названо огромное количество древнегреческих персонажей (Гекуба, Гектор, Орест, Пилад, Агамемнон, Клитемнестра, Гомер, Аристотель, Платон и др.).

С. Николова (Болгария, София) в докладе «Так называемое Первое слово Иоанна Эк-

зарха Болгарского о Рождестве Христа и его греческий источник» представила итоги своего изучения разных списков памятника (русских, болгарских, сербских). Это произведение было очень широко распространено в двух видах. К XV веку относится множество греческих списков (из Афонского монастыря); списки из собраний Соловецкого и Кирилло-Белозерского монастырей. В XVI веке Слово было включено в Великие Минеи Четири (декабрьский том), активно переписывалось в северной Руси. Древнейшие болгарские списки, по мнению автора доклада, более близкие греческим текстам, свидетельствуют о том, что два вида памятника были уже в архетипе греческого источника.

О. С. Сапожникова сделала доклад «„Богословие“ Иоанна Дамаскина в переводе Иоанна экзарха Болгарского: неизвестные источники дополнительных глав». Как было показано исследовательницей, перевод был сделан предельно точно; для многих абстрактных понятий и категорий переводчик «изобрел» славянские эквиваленты. Русские книжники были знакомы с 48 главами «Богословия» в переводе Иоанна экзарха Болгарского, дополненного 6 главами болгарского святителя (все 100 глав Иоанна Дамаскина были переведены лишь в XVII веке). Ряд источников дополнительных глав был указан Горским и Невоструевым, но в обнаруженной исследовательницей рукописи, подготовленной к печати в 1630 году, были указаны: «Григорий Беседовник» (так называли Григория, папу Римского, за его «Диалоги»), «Писиды» (в рассуждениях о свойствах воскресшего тела, где образы шелкопряда, бабочки, ласточки, зерна пшеницы являют человеку идею воскресения). В дополнительных главах полемика с неверящими в воскресение телесное занимает большое место, причем рассуждения о воскресении праведников в молодом и прекрасном теле, а грешников — в безобразном основаны на идее Оригена, которой следовал и Григорий Нисский. Ответить на вопрос, почему эта тема заняла столь значительное место в сочинении Иоанна экзарха Болгарского, невозможно, ибо нет никаких сведений о направлении споров того времени.

Доклад В. Б. Крысько (Москва) «Осмысление бессмысленного: о древнейших переводах минейных текстов» был посвящен анализу служб, содержащихся в минейных рукописях. По мнению ученого, древнейшие переводы распределяются по трем группам. К первой относятся службы, греческие оригиналы которых известны; ко второй — переводы, оригиналы которых не сохранились (как, например, «Служба архангелу Михаилу»); к третьей — службы с оригинальными стихирами. В оригинальных стихирах читаются фрагменты, имеющие греческие параллели, но сам комплекс оригинален (стихиры Димитрию Солунскому, служба Николе Мирликийскому, Кириллу Философу). Творчест-

во греческих гимнографов не могло быть передано славянскими переводчиками в адекватных поэтических формах. Греческие образцы были использованы славянскими переводчиками при создании оригинальных текстов, что характеризует первый этап русской гимнографии.

Т. В. Пентковская представила доклад «Иерусалимский Типикон на Руси: характер лингвистической адаптации». В нем была проанализирована история переводов Типикона. Отметив, что их существовало три — сербский и два болгарских (старца Иоанна и Евфимия Тырновского), исследовательница показала, что в русской традиции в Синоксаре читался перевод старца Иоанна, для которого характерно значительное число «грецизмов» («кандилоптис» — кадиловозжигатель; «полиелео» — многомилотивный; «синапти» — дьякон), которые читаются и в Иерусалимском Типиконе, а также в списках русских богослужебных книг XV—XVII веков. В ряде списков имеются некоторые русизмы: «женьчуг» (маргарит или бисер в южнославянской традиции), «притвор» или «паперть» (вместо нартекс), причем списки не содержат следов второго южнославянского влияния. В «Оке церковном» читается Евфимиевский перевод, для которого характерно стремление к калькированию «грецизмов», точности передачи синтаксических конструкций оригинала. Эти два перевода были основой русских редакций Типикона, которых довольно много. Причем русификация терминологии может проводиться последовательно, а может спорадически.

Р. Штихель (Германия, Мюнстер) сделал доклад «Ангельскими невидимо дориносима чинми», в котором показал историю перевода и истолкования этого образа херувимской песни литургии. В византийской гимнографии неизвестный автор опирался на существовавшую в Римской империи традицию выносить коленосцами-легонерами императора стоящим на щите (т. е. первоначально речь шла о метафоре: «дориносима» — торжественно сопровождаема). В русской рукописной традиции сосуществуют несколько вариантов. Достаточно последовательно слово «дориносимый» заменялось на «дароносимый», что считалось прежде ошибкой. Однако в греческих рукописях фиксируется это же различие. В византийскую эпоху слово, фонетически переданное в русских рукописях как «дароносимы», имело два значения: «торжественно сопровождаемый» и «удостоенный приношения даров». Таким образом, можно говорить о том, что на Руси сосуществовали два образных ряда. В 20-е годы XVII века, как показал исследователь, появляется еще одно прочтение — «дардоношенми» (от польского, куда оно попало из французского, «дардо» — пика). Так, протопоп Аввакум допускал оба варианта: и «дардоношенми», и «дароношенми».

Т. И. Афанасьева в докладе «Литургии на Руси в XIV веке: к вопросу о правке тек-

стов» поделилась выводами своего исследования о формировании лингвистической нормы в русской литургии. Рассмотрев чудовские редакции Нового Завета и литургий, которые связаны с деятельностью митрополита Алексия, исследовательница отметила многие сходные признаки: архаизмы («аеры» — воздухи в других списках, «литургия» — божественная служба, «рожение» — бытие, «проныривая» — злая, лукавая и т. д.), региональные формы («красный» в значении чистый, «круподушный» — малодушный, «лихновение» — прегрешение и т. п.), буквальные «гречизмы» («етер» — друг, «трепетный» — страшный, «действа» — козни). Таким образом, справщик Алексия отличает ряд лингвистических особенностей, свойственных только этим переводчикам. О стабильности литургических текстов можно говорить со второй трети XIV века.

Доклад Ф. Томпсона (Бельгия, Антверпен) «Славянский перевод „Иудейской войны“ Иосифа Флавия» содержал ряд предположений ученого о времени и месте перевода знаменитого памятника воинского повествования. Оспаривая выводы Н. А. Мещерского, исследователь пришел к мнению, что «История Иудейской войны» была переведена в конце XII—начале XIII века восточным славянином (возможно, выходцем из юго-западной Руси) в Константинополе или на Афоне.

А. А. Алексеев сделал доклад «Интерполяции славянской версии „Иудейской войны“», в котором проанализировал появление христологических интерполяций в славянских переводах. В греческих и латинских версиях нет этих вставок в текст воинского повествования. Христологические интерполяции читаются только в славянских переводах. Рукописное бытование произведения Иосифа Флавия позволяет утверждать, что оно воспринималось как часть Священной истории (так, оно было включено в сирийскую версию Вульгаты, в эфиопский канонический текст; Евсевий включил в свою историю пересказ 5 и 6 глав «Истории Иудейской войны»). Нет возможности указать источник 60 интерполяций. Потому основными являются два вопроса: были ли все вставки единовременными (сделанными переводчиками или переписчиком на каком-то этапе) и, следовательно, отражают ли они единую авторскую концепцию. По мнению ученого, ряд вставок носит характер комментария (от топографического до богословского) и является результатом работы переводчика. В основе всех интерполяций лежит единый источник, некий апокриф, основанный на Евангелии от Матфея в изложении иудея, повествующего о християнских доктринах (Христос — «младенец, что родился без отца», он должен освободить Иудею от римлян, апостолов, «слуг», — 150, Пилату дали 30 талантов за казнь Иисуса и т. д.).

Доклад К. А. Максимовича (Москва) «„Пандекты“ Никона Черногорца в тради-

ции древнейших славянских переводов с греческого» был посвящен установлению истории перевода этой своеобразной энциклопедии для монашества. Докладчиком было выделено два типа перевода. Первый из них, более краткий, по происхождению является восточнославянским (русским); второй, известный по рукописям XIV века, — преславским. Этому второму типу присущи: буквализм перевода (и лексический, и синтаксический, и структурный); выбор значения переводимого слова не по контексту, а по степени распространенности; «юридическая» точность перевода; наличие псевдокалек («жестокое воспитание» переведено как «сухоходение» вместо ожидаемого «жестокопробывание»); приспособление при переводе византийской должностной системы к русским реалиям («наместник» переведено как «мечник»; слово «палач» в болгарской традиции переводилось как «кудерма», а в русской — «обидник»). По мнению исследователя, славянский перевод «Пандектов» был сделан в русском монастыре на Афоне.

В докладе Б. М. Пудалова (Нижний Новгород) «Переводные гомилии сборника „Измарагд“: проблемы изучения» был проанализирован принцип составления широко распространенной в Древней Руси компиляции. Исследователь подчеркнул, что «Измарагд» в целом не может быть признан переводом, так как не имеет аналога в греческой рукописной традиции, точнее назвать его сборником переделок византийских памятников. Затрудняет работу над установлением источников наличие большого числа ложных атрибуций (приписывание оригинальных текстов авторитетным византийским авторам); отсутствие датирующих признаков в нравственно-дидактических сборниках (все публицистические замечания, имевшиеся в источнике, снимались при включении в сборник); ряд византийских источников не сохранился. Известно, что многие компиляции, имеющие явные греческие оригиналы, были составлены при переводе. С другой стороны, нельзя отрицать возможность того, что компиляция была составлена в Византии, но не сохранилось ее греческих списков. Потому проблема времени и места составления «Измарагда» пока не получила своего решения.

Е. К. Пиотровская сделала доклад «Византийский „Земледельческий закон“ и славяно-русская письменная традиция памятников средневекового права». Юридический византийский документ нашел отражение в тексте Псковской судной грамоты (7—11, 14—16, 61, 110, 112 главы) и в сборнике Ефросина Белозерского, который подверг текст источника сильному сокращению. Вероятно, в распоряжении русского книжника находился список сербской версии земельного кодекса, совпадающей с Хиландарской.

В докладе С. А. Коробейникова «К вопросу о корпусе славянских переводов сочинений патриарха Германа: Молитва к Бо-

городище, надписанная его именем» был поставлен вопрос об объеме наследия византийского святителя в древнерусской литературе. А. И. Соболевский не указал ряд сочинений Германа, в том числе и Молитву к Богородице. Хотя греческий оригинал не известен, в настоящее время можно указать 16 списков произведения, читающихся в сборниках XIV—XVI веков. Перевод был сделан до 1483 года, так как этим временем датируется переделка молитвы в Соловецком собрании. Сербский список XVII века, несущий черты пословного перевода, имеет ряд исправлений, сохраненных одним из ранних списков и утраченных другими, потому признан исследователем наиболее близким греческому оригиналу. Молитву считали келейной, она встречается в сборниках, принадлежавших наиболее образованным инокам той поры (в частности, Досифею и Евфимию Туркову). Исследователь проанализировал поэтический строй переводной Молитвы (пары образуют 8 звеньев, объединенных одной идеей и завершенных просьбой к Богородице).

Доклад О. В. Лосевой (Москва) «К вопросу о переводе Пролога в Древней Руси» был посвящен главным образом датировке перевода и определению места, где он был сделан. Поскольку основными источниками Пролога были Минологий Василия и византийские синоксари XI века (группы Д), в которых наиболее поздние праздники датируются 970—980 годами, то велика вероятность его перевода в конце XI века. По мнению исследовательницы, он не мог быть сделан на Афоне, так как не содержит сведений об Афанасии Афонском, который особо почитался на Афоне уже в начале XI века, а в русских Прологах появляется лишь с XIV века.

М. Капальдо (Италия) был сделан доклад «От Симеона Месопотамийского до Симона Владимиро-Суздальского: „Како подobaеть в умѣ имѣти днь исходный“». Исследователь проанализировал взаимоотношения Поучения Симона Владимиро-Суздальского и трудов Симеона Месопотамийского и установил, что в XIV веке при переписывании переводного сочинения книжник вставил отрывок из Поучения Симона Владимиро-Суздальского.

В докладе О. В. Творогова «Переводные жития святых в древнерусской книжности XI—XV веков» был дан итог каталогизации византийских житий по русским рукописям до XV века. Эта работа позволяет более точно представить реальный репертуар византийских житий. 175 рукописей содержат 250 переводных житий, которые читаются и в Четвиных Минеях (годовой круг которых представлен неравномерно), и в сборниках. Жития, включенные в сборники, читаются в различных редакциях, видах, объеме, а потому очень интересны. Подготавливаемый каталог византийских житий, содержа-

щий полный список памятников, указание шифров, варианты инципитов, библиографию, крайне полезен и археографам, и филологам.

Н. Н. Невзорова сделала доклад «Паремийные чтения Борису и Глебу — памятник болгарского периода переводной письменности», в котором проанализировала художественную организацию памятника. Ею установлена связь паремийных чтений с великопостным циклом и сделана интересная попытка увидеть в библейских аллюзиях целостную систему, определившую не только выбор стилистических средств, но и приемы в создании образной системы, и принципы композиционного решения памятника.

Доклад Т. Хелланда (Норвегия) «Житие Антония Великого в славянской традиции» содержал выводы текстологического исследования известных славянских списков перевода византийского произведения. Напомнив, что в Киевской Руси Житие было известно с XI века, исследователь отметил, что славянские переводы восходят к разным архетипам и отражают существовавшие в византийской традиции этапы жизни памятника: две группы списков дометафрастовской традиции и основная группа, передающая текст, читающийся в Минеях Симеона Метафраста. Хотя болгарская исследовательница К. Иванова предположила, что все три перевода были выполнены в Болгарии в разное время (X—XI века), Т. Хелланд установил, что первый перевод, вероятно, был выполнен в Сербии: лучше всего текст Жития Антония Великого сохранился в сербской Зографской рукописи. Этот перевод вошел в Сборник Нила Сорского и Великие Минеи Четви митрополита Макария. Из русских списков наиболее близок архетипу Чудовский, № 23.

Т. П. Лёнигрен (Норвегия) сделала доклад «Переводные жития в агиографических сводах XV—XVI веков», в котором на материале Сборника Нила Сорского предприняла попытку восстановить «кругозор» составителя и уяснить принципы создания агиографического свода великим нестяжателем. При очевидной ориентации на минейный образец Нил Сорский опирался на традиции сборников Троице-Сергиевой обители (по предположению А. А. Турилова и А. И. Романенко, основой послужила рукопись 1445 года № 747). Однако уникальность Сборника в том, что в триптихе Нила Сорского наблюдается осознанная, а не случайная, последовательная взаимосвязь действующих лиц разных житий, включенных в состав авторского свода.

В докладе М. В. Рождественской «Об одном фрагменте вопросно-ответной апокрифической литературы («Сказание о 12 пятницах» и «Беседа трех святителей»)» был проанализирован отрывок «прекрасной чистойглазой» Ависаге и «чадородной некрасивой румяной» Минодоре. В Сказании эти два женских образа подробно истолкованы как

разные пути веры. Минодора должна напоить «млеком знания», а прекрасная Ависага — правая вера, обнимающая и согревающая «душу человеком». В Беседе «сунамиянкой», «брашном небесным», «пищей души» названо Святое Писание, т. е. образы «млекопитательницы», «просветительницы» и «теплой веры» были разработаны в апокрифических памятниках.

В докладе А. Г. Боброва «„Сказание об Индийском царстве“ в версии Ефросина Белозерского» рассмотрено это произведение известного книжника. Отметив, что отдельные сведения об Индии в сборнике Ефросина были дополнены сведениями из Сказания о рахманах (из Хроники Георгия Амартола), о дочери Александра Македонского, об апостоле Фоме и птице, исследователь сосредоточился на «Сказании о человецех незнаемых» и пришел к выводу, что текст Сказания предшествовал «Сказанию об Индийском царстве».

Л. В. Осинкина (Великобритания) сделала доклад «О взаимоотношении толкового и четьего видов славянской книги Екклесиаст». В результате большой текстологической работы исследовательницей было установлено, что в наиболее ранних славянских списках полной библейской книги, относящихся к XV—XVI векам, читаются тексты и толковые, и четьи. Была выявлена греческая рукопись X века, содержащая пассажи, которые совпадают с комментариями славянского перевода. В Геннадиевской Библии обнаружены «следы» небрежно убранного комментария. Частые совпадения между комментируемым и комментарием в текстах списков позволяют утверждать, что все версии являются редакцией одного перевода. Цитаты в древнерусской книжности из этой библейской книги немногочисленны. Связей между глаголической и кириллической традициями славянского перевода Екклесиаста нет.

Доклад В. А. Ромодановской «Геннадиевская Библия: задачи и принципы издания» был посвящен рассмотрению попыток издать первый полный русский библейский кодекс, ни одна из которых не была завершена. Проанализировав основные возможные типы издания — фототипическое и дипломатическое, сопровождаемое комментарием, исследовательница остановилась на необходимости сводного (или реконструированного) издания Геннадиевской Библии. Такое издание — при строгом соотношении с латинским оригиналом и сохранившимися рукописями — могло бы быть максимально приближено к первоначальному переводу.

В докладе В. Томеллери (Италия) «Перевод, перенос и передача латинского текста в Толковой псалтири Брунона Гербипольского» был проанализирован текст выполненного в Новгороде в 1539 году перевода с латинского оригинала, который стал своеобразным «эпилогом» деятельности Геннадиевского кружка и вошел в Великие Минеи Четьи. Дмитрий Герасимов выполнил свой пе-

ревод Толковой Псалтири Брунона, познакомив читателей с лучшими «толкователями» западной церкви. Его работа, как показал исследователь, дает представление о методах работы переводчиков Геннадиевского кружка: ими использовались перевод (воспроизведение смысла в близких оригиналу формах); перенос (дословно-морфологическое соответствие при утрате синтаксического строя); передача (воспроизведение общего смысла).

И. М. Грицевская выступила с докладом «Келейное чтение в системе древнерусской книжности». Исследовательница отметила, что развитие монастырей приводило к росту библиотек, при благоприятных условиях такого роста увеличивалась доля келейной литературы. Поскольку келейное чтение — вид «духовного делания» монахов, то роль его очень важна. Регламентация келейного чтения — задача индексов, которые могут дать представление о «каталоге» имевшихся в монастыре книг. Наибольшее развитие индексы получили в XV—XVII веках (к этому времени относится около 170 списков). Проанализировав сохранившиеся списки индексов Кирилло-Белозерского монастыря, докладчица обнаружила, что в этой обители имелись краткие редакции всех индексов, в которых среди книг келейного чтения указаны Екклесиаст; Книга Иисуса, сына Сирахова; Шестоднев Иоанна, экзарха Болгарского; Повесть о Варлааме и Иоасафе; История Иудейской войны Иосифа Флавия; сочинения Дионисия Ареопагита, Ефрема Сирина и др. Разумеется, в монастырской библиотеке книг было много больше, чем указано в индексе. Даже дополненные индексы Иосифо-Волоколамского монастыря (с сочинениями Исаака Сирина, Дорофея, Петра Дамаскина, Григория Двоеслова, Дионотрой, Маргаритом, Златой Матицей) «отставали» от реального библиотечного состава. Однако именно индексы очерчивают место келейного чтения в жизни монастыря.

А. А. Романова и А. Г. Сергеев в докладе «„Каталогюк albo реестр всех книг божественного Иоанна Златоустаго“ из „Нового Маргарита“» представили результаты своего исследования памятника, призванного помочь отличить «подлинные» сочинения от «еретических», который был переведен в кружке князя А. М. Курбского. Известны два списка этого произведения (из собр. Археографической комиссии БАН и описанная Ауэрбахом рукопись 60—70 годов XVI века из Хлудовского собрания). Исследователям удалось установить, что в основу перевода было положено Базельское издание 1558 года в 5-ти томах, а не Базельское издание 1530 года (как считал Ундольский) и не Парижское издание 1581 года (как полагал Ауэрбах), отличающиеся от переведенного текста структурой и количеством гомилий. После Курбского подобную работу проделал почти 100 лет спустя Евфимий Чудовский.

Доклад А. Е. Смирновой «„Повесть о Варлааме и Иоасафе” в древнерусской гимнографической обработке» был посвящен новонайденным спискам русской службы, известной прежде лишь по печатному изданию Служебной минеи первой трети XVII века, и установлению имени ее автора. Исследовательница обнаружила 5 списков допечатного текста, в каждом из которых читается свой вариант службы, и атрибутировала службу известному гимнографу Маркелу Безбородому. Основой его произведения стал Афанасьевский извод «Повести о Варлааме и Иоасафе», перелатинный автором в службу царевичу Иоасафу. Маркел использовал из первоисточника отдельные фразы, при этом меняя их ритмическую организацию, а также прямую речь, поэтические образы и приемы.

И. Климов (Белоруссия) сделал доклад «Переводческая деятельность белорусских и украинских протестантов второй половины XVI века». Напомнив, что в западном регионе Руси наряду со славянской существовал значительный комплекс католических, протестантских, еврейских рукописных традиций, докладчик сосредоточился на переводах богословских книг в протестантской религиозной среде. В XVI веке переводы выполнялись с чешского (Песнь Песней), польского (Псалтырь), еврейского (Книга пророка Даниила, Притчи Соломоновы) языков. Язык этих переводов — церковнославянский с некоторыми элементами старобелорусского, который сами переводчики называли русским.

В докладе И. А. Лобаковой «„Поучение благого царства” Агапита в обличительных речах митрополита Филиппа» были приведены новые текстологические факты, позволяющие усилить выдвинутую И. Шевченко гипотезу о том, что наставления митрополита Филиппа царю Ивану Грозному реально были основаны на произведении византийского диакона: наличие цитат из этого памятника в трех старших редакциях (в разном объеме, в различных по местоположению речах) подтверждает это.

Доклад И. В. Федоровой «Переводные памятники паломнической литературы Московской Руси XVI—XVII веков» был посвящен установлению связей традиционных русских хождений с более поздними греческими, латинскими, польскими проскинитариями (оригиналы некоторых были утрачены). Так, например, Василий Поздняков в своем произведении использовал более раннюю версию «Поклонения граду Иерусалиму», чем та, что считалась прежде архетипной (список из собрания Иосифо-Волоколамского монастыря первой половины XVI века). Тексты существовавших прежде хождений дополнялись по более поздним сочинениям (в Хождении игумена Даниила появились фрагменты из Повести Епифания; Евфимий Чудовский дополнил произведение Арсения

Суханова по греческому проскинитария). Сами переводчики путеводителей могли дополнять текст своего источника как собственными, так и «чужими» рассуждениями. Новый жанр стал популярен (даже Хождение игумена Даниила в XVII веке было трансформировано в путеводитель).

А. Х. Горфункель выступил с докладом «Трактат Фомы Кемпийского „О последовании Христу” в переводе Андрея Белобоцко-го». Сочинение, уступавшее в Западной Европе по своему значению лишь Священному Писанию, отличалось стремлением к самосовершенствованию и мистической устремленностью, которые оставались близки и католикам, и протестантам. В 1647 году это сочинение попало на Русь, Андрей Белобоцкий перевел первые 2 книги до 1691 года (времени его отправки в Китай). Исследователь отметил тщательность и корректность перевода, который не являлся буквальным (синтаксис не повторяет латинский, найдены прекрасные образные соответствия, на полях приведены варианты значения латинских слов). Перевод был поднесен игуменье Новодевичьего монастыря в Москве (Белобоцкий был женат на дочери священника этой обители), а в 1697 году рукопись попала на Патриарший двор в связи с обвинениями автора перевода в католичестве. Н. И. Новиков в XVIII веке издал перевод, но после ареста А. Н. Радищева почти весь тираж (вместе с другими книгами издательства) был уничтожен.

Доклад В. А. Кульматова «А. Х. Белобоцкий и его люблианские сочинения» был посвящен судьбе переводной «Риторики» на Руси. Это сочинение пользовалось популярностью у представителей разных сословий: многочисленные пометы и записи на полях свидетельствуют о том, что оно очень активно переписывалось старообрядцами, представителями третьего сословия; с другой стороны, среди помет сохранились те, что принадлежат известным книжникам (чудовскому монаху Григорию Огаркову, важскому епископу и новгородскому архиепископу). Некоторые факты биографии переводчика нуждаются в уточнении (он называл себя выпускником Краковского университета, но в списках выпускников его нет, не найдены чело-битные царю Федору Алексеевичу, почти нет материалов о посольстве и т. д.).

М. Н. Климова (Томск), выступившая с докладом «„Эдипов сюжет” в древнерусской литературе (повести о кровосмесителе)», проанализировала три повести: об Иуде-предателе, о папе Григории и об Андрее Критском. Архаично-фольклорный мотив убийства отца и женитбы на собственной матери по-разному отразился в произведениях, созданных на рубеже XVI—XVII веков. Апокрифический текст об Иуде, известный с III—V веков, рассказывал о предсказании рождения Иуды от кровосмешения и заканчивался вполне канонически. В русской рукописной традиции он

приписывался блаженному Иерониму. В повести о папе Григории читатель узнавал о грешнике, путем покаяния освободившемся от неслыханного греха. Краткая редакция этой повести свидетельствует о том, что она была известна на Руси еще до перевода «Римских деяний» (сохранился список 1645 года). В 1660-х годах появляется Повесть о патриархе Григории (краткий пересказ польской версии о папе с перенесением событий и героя в Царьград). Повесть об Андрее Критском, вероятно, созданная на Руси (абсолютное незнание географии, путаница при описании места заточения и т. п.) на основе великого покаянного канона, опиралась на сюжеты Повести об Иуде и Повести о папе Григории.

И. Д. Казовская (Израиль) сделала доклад «„Повесть о семи мудрецах“: основные проблемы и итоги изучения», в котором рассказала об изучении популярнейшего средневекового сборника (известны индийская, сирийская, французская, испанская, арабская, итальянская, польская и мн. др. рукописные традиции). Среди основных проблем исследовательница отметила большую вариативность состава, вопрос о единстве перевода всего сборника, о принципах редакторской правки и др. Ею было высказано предположение, что рукопись 1685 года писца Феодора была сделана для царевича Алексея Петровича.

Е. К. Ромодановская (Новосибирск) в докладе «Древнерусские обработки „Римских деяний“» рассмотрела типы русификации первого перевода сборника (замена полонизмов русскими соответствиями, стилистическая переработка отдельных повестей, появление русских редакций). Особое внимание было уделено стилистическим и жанровым переработкам повестей из «Римских деяний» при включении их в состав «Великого Зерцала» и фацетий.

Л. И. Сазонова (Москва), выступившая с докладом «Книжное восприятие Востока, идущее с Запада: стихотворные парафразы Симеона Полоцкого», проанализировала особенности восточной тематики в эпоху барокко, когда интерес к ориенталистике диктовался не столько эстетическими, сколько политическими интересами Запада. Сведения о восточных странах (Турции, Персии, Индии, Монголии, Египте), заимствованные у западных авторов (польских и немецких), попали в тексты произведений Симеона Полоцкого: героями «Вертограда многоцветного» выступают Сезостр, Авиценна, Магмет, султан, шах и др. Восточные сюжеты в наследии немецкого проповедника Максима Фабера, как было показано исследовательницей, были не

просто усвоены поэтом (например, идея о том, что золото — не зло, зло — отношение к нему человека), но и значительно переработаны. Проповеди были трансформированы: из богословия — в культуру, из прозы — в поэзию, из дидактического плана выражения — в барочно-риторический.

Доклад И. А. Подтергеры «Из литературного комментария к письмам Симеона Полоцкого» был посвящен формированию эпистолярного жанра на Руси. Обратившись к польским и русским письмам Симеона Полоцкого, исследовательница обнаружила, что автор пытался буквально передать не только эпистолярную форму, но и формулы жанра (многие из которых восходят к Священному Писанию, значительная часть — к цитатам из сочинений Плиния, Овидия и др.) в письмах, написанных на русском языке (этикетные обращения, сетования, пожелания, прощание).

И. А. Вознесенская в докладе «Переводы с греческого языка в России в начале XVIII века» рассказала о работе главных центров по переводу с греческого (Славяно-греко-латинской Академии, школы братьев Лихудов в Новгороде) и автографах переводчиков Ф. Герасимова-Полегаева, И. Васильева, И. Иванова, А. Барсова, И. Григорьева.

Т. Ф. Волкова, М. В. Михайлова (Сыктывкар) представили доклад «„Сказание об Иосифе Прекрасном“ в редакции печорского книжника И. С. Мяндина», в котором рассмотрели три авторских списка этого произведения крестьянского писателя и их источники. «Галантерейность» стиля, введение новых сюжетных мотивов, разработка образной системы, описание места действия отличают эти авторские версии. Каждая из них не связана с другой, это не три редакции произведения, а три разных обращения к одному сюжету.

И. Петров (Лодзь) представил участникам конференции проект «О славянской библиографии: информация о структуре сайта».

В заключительном слове А. А. Алексеев подвел итог работе конференции, отметив ее высокий научный уровень, широту тематики докладов, важность многих выводов для дальнейших исследований. В обсуждении итогов конференции приняли участие Ф. Томпсон, Н. В. Поньрко, Р. Штихель, Е. И. Дергачева-Скоп, Л. И. Сазонова, Т. П. Лённгрен, Г. М. Прохоров, А. А. Пичхадзе, Л. В. Соколова. Было принято решение опубликовать подготовленные на основе докладов статьи в томе Трудов Отдела древнерусской литературы.

© И. А. Лобак ова